

Кушнир Ольга Николаевна

**МАКРОКОНЦЕПТЫ "ПРАВО/ЗАКОН" И "МОРАЛЬ/ПРАВСТВЕННОСТЬ": "ФИГУРЫ
КОНФЛИКТА" В ПОЛЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

В статье представлен анализ макроконцептов, составляющих слабо исследованные феномены концептосферы "Право" в их взаимосвязи с другими сферами человеческой жизни. Особое внимание уделено "полю взаимодействия" юридической и этической сфер в рамках макроконцепта "Право".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/1/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (12). С. 98-101. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

INTERJECTION IMPERATIVES OF YUKAGIR LANGUAGE

Samona Nikolaevna Kurilova

Sector of Paleo-Asian Philology

Institute of Classical Researches and Northern Smaller Peoples' Problems

Russian Academy of Sciences (Branch) in Siberia

samonak@rambler.ru

The author characterizes the interjection units of the tundra and forest dialects of the Yukagir language which function is a speaker's will transmission. Interjection imperatives, presented by the stems of anti-derivative and derivative interjections can be reduplicated and can join different particles for intensifying the influence on the recipient. The facts show that directional imperatives are characteristic of the tundra Yukagirs who have nomadized from the oldest times.

Key words and phrases: Yukagir language; anti-derivative interjection; derivative interjection; vocative imperative; stimulating imperative; directional imperative; process verbal stem; imperative mood indicator; intensificator; intensifying particle.

УДК 81'1-027.21

В статье представлен анализ макроконцептов, составляющих слабо исследованные феномены концептосферы «Право» в их взаимосвязи с другими сферами человеческой жизни. Особое внимание уделено «полю взаимодействия» юридической и этической сфер в рамках макроконцепта «Право».

Ключевые слова и фразы: юридическая лингвоконцептология; макроконцепт; закон; мораль; нравственность.

Ольга Николаевна Кушнир, к. филол. н., доцент

Кафедра документоведения, архивоведения и прикладной лингвистики

Коми республиканская академия государственной службы и управления

info17275@mail.ru

**МАКРОКОНЦЕПТЫ «ПРАВО/ЗАКОН» И «МОРАЛЬ/НРАВСТВЕННОСТЬ»:
«ФИГУРЫ КОНФЛИКТА» В ПОЛЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ©**

Приступая к рассмотрению концепта¹ «Свобода» как культуроспецифического феномена, А. Вежицкая, как бы в порядке самооправдания, поясняет: «Большая часть обильной литературы, посвященной понятию 'свобода', написана разного рода философами. Насколько я знаю, по этому предмету практически нет серьезной лингвистической литературы. Однако лингвистический анализ данного концепта мог бы представлять значительную ценность» [4, с. 211]. Сказанное в полной мере относится и к концептосфере «Право», прежде всего в свете ее широких взаимосвязей практически со всеми другими сферами жизни.

Макроконцепт² «Право» включает гигантский массив частных концептов, интегрирующих обиходные и профессионально-юридические представления, ориентировочный список которых легко получить, открыв, например Уголовный кодекс Российской Федерации.

Статьи первой главы первого раздела формулируют принципы Уголовного кодекса, фиксированные в именовании *законность, равенство, вина, справедливость, гуманизм, ответственность*. Однако эти именованья - не только термины юриспруденции и межстилевые, в том числе обиходные лексемы, но и именованья соответствующих концептов, которые на протяжении столетий не просто волнуют умы, но выступают в качестве движителей истории. Концепт «Гуманизм» лежит в основе той эпохи, которая началась Возрождением, продолжилась Просвещением и не завершилась поныне. Актуализация в общественном сознании концептов «Равенство» и «Справедливость», насколько можно судить, - важнейшая причина большинства революций. Концепт «Ответственность» - основание любой профессиональной деятельности, например, врачебной или педагогической.

Раздел «Преступления против личности» открывается главой «Преступления против жизни и здоровья», включающей статьи, напрямую связанные с макроконцептом «Смерть» (ключевые лексемы - *убийство, смерть, самоубийство*) и различными дисциплинами гуманитаристики под общим названием «Танатология», с макроконцептом «Здоровье» и концептосферой «Медицина» (ключевые слова - *зрение, речь, слух, беременность, наркомания, токсикомания, обезображивание, жестокость, трансплантация (органов и тканей), ВИЧ-инфекция, аборт* и др.).

Думается, без дальнейшего умножения примеров ясно, что материал Уголовного кодекса в систематизированном виде указывает на те феномены общественной жизни, которые нуждаются в особенно пристальном

© Кушнир О. Н., 2012

¹ О нашем понимании термина *концепт* см., например: [5].

² О *макроконцепте* в структуре концептосферы см., например: [9].

внимании лингвокультурологии - в частности потому, что уровень преступности во многом зависит от уровня правовой культуры граждан, а эта последняя - от того, насколько развиты соответствующие лингво-концептуальные представления, насколько действенно-позитивно они сказываются на поведении.

Возвращаясь к цитированному выше пояснению А. Вежбицкой, с сожалением констатируем, что основной «серьезной лингвистической литературы», трактующей феномены концептосферы «Право» в их взаимосвязи с другими сферами человеческой жизни, практически нет, хотя отдельных публикаций множество (достаточно назвать, например, только макроконцепт «Наркотики/Наркомания»). Исключение, насколько нам известно, составляют лишь концепты, связанные с семнадцатой главой Уголовного кодекса «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», фундирующейся на понятиях «честь», «достоинство», «клевета», «оскорбление» [6; 12; 16].

Языковедческое исследование документов, входящих в сферу права как именно юридическую, - задача юридической лингвистики, в том числе лингвистической экспертизы [3]. Исследование феномена юридически понимаемого права через призму его репрезентации в языковом сознании как интегральном феномене, связанном с жизнью человека в самых разных сферах, - задача юридической лингвокультурологии и лингвоконцептологии. Принципиальная трудность такого рода исследований в том, что уже инициальный макроконцепт «Право» в языковом сознании как целом находит свою определенность только во взаимосвязи с ключевыми концептами других сфер бытия. Прежде всего, это этическая сфера, центрирующаяся на составном макроконцепте «Мораль/Нравственность» - инициальном в концептосфере «Этика».

Область пересечения («поле взаимодействия») юридической и этической сфер в рамках макроконцепта «Право» фиксируется уже самими юристами в разграничении понятий объективного и субъективного права, как в следующем энциклопедическом разъяснении: «**Право**... 1) в объективном смысле система общеобязательных, формально определенных норм, установленных и обеспечиваемых силой государства и направленных на регулирование поведения людей и их коллективов в соответствии с принятыми в данном обществе устоями социально-экономической, политической и духовной жизни (объективное право) <...> 2) в субъективном смысле предусмотренная (или не запрещенная) законом либо иным *правовым актом* возможность лица обладать имущественным или неимущественным благом... (субъективное право)» [15, с. 732]. Очевидно, что эти два вида права, фиксированные в русском языке одним полисемичным существительным *право*, регулируются разными нормами: первое - юридическими, второе - моральными¹. Присовокупив к названным двум еще право человека на научную истину, получаем три составляющих концепта «Закон», который, как констатирует Ю. С. Степанов, «существует в трех различных сферах культуры, и соответственно слово *закон* имеет три различных основных значения - 1) закон юридический, 2) закон божеский (прежде всего - христианский), а также закон нравственный, 3) закон науки» [14, с. 572]. Особого внимания в цитированном фрагменте заслуживает показательное разграничение: «закон божеский» и «закон нравственный», - смысл которого представляется целесообразным интерпретировать на основе понятий «внутреннее/внешнее», лежащее в основе различий между концептами «Мораль» и «Нравственность» как обусловленными, с одной стороны, внешними, социальными, с другой - внутренними, религиозными чувствами.

Понятие «этика» является секулярным, как и «мораль», хотя использоваться и в сакрализованных сферах (ср. *церковный этикет*). Семантические этимоны заимствованных существительных *мораль* и *этика* связаны с представлением о месте жительства человека, о принадлежности некоему социуму и связанными с этим социумом нравами, обычаями, образом жизни, ср.: фр. *morale* - из лат. *moralis* 'моральный, нравственный, этический' < *mos, moris* 'нрав, обыкновение, обычай' > образ жизни, поведение > закон, правило, предписание'; лат. *ethica* 'учение о нравственности' - из гр. *ethikos* 'касающийся нравов, характера; нравственный, моральный' < *ethos* 'обычное местопребывание, жилище (людей)' > нрав, обычай, характер, образ мыслей'. Как видим, истоки *морального* - в *социальном*.

В советское время с позиций государственного атеизма мораль и нравственность, как правило, отождествлялись; ср., например, характерное для тех лет философское определение *нравственности*: «...понятие, являющееся синонимом *морали* (рус. вариант лат. термина "мораль", происходит от слова "нрав")» [13, с. 215], аналогичное лексикографическое толкование *морали*: «Нравственные нормы поведения, отношений с людьми, а также сама нравственность» [11, с. 365]. В настоящее время *мораль* и *нравственность* в словарной практике трактуются как семантические синонимы, отчетливо различающиеся семным составом по указанному выше параметру «внешнее/внутреннее», ср.: «**Мораль**... Совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и к обществу; **нравственность**»; «**Нравственность**... Внутренние (духовные и душевные) качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т.п., которые проявляются в отношении к людям и природе» [10, с. 556, 659].

Понятие «нравственность», в отличие от «морали», фундируется не на социальных, а на духовных основах, в своих духовных корнях является сакрализованным, поскольку центрируется на концепте «Совесть», который, с точки зрения когнитологии, представляет собой «имплицитную когницию» - результат не столько познания/познавания, мышления и размышления², сколько «предзнания» и/или «сверхзнания», истоки

¹ Заметим, что, например, в английском языке наличествуют разные именованья для этих видов права: *law* 'право в объективном смысле; закон' и *right* 'право (обычно в субъективном смысле); правоприязание'; *right* как прилагательное - 'правомерный; правый; справедливый; правильный; надлежащий'.

² По определению Е. С. Кубряковой, именно эти семы составляют ядро понятия «когниция» [8, с. 81].

которого - в религиозных чувствах, в религиозном по своей сущности представлении, что *совесть* как фундамент нравственности - это «внутреннее сознание добра и зла» (В. И. Даль), что *совесть* - это внутреннее убеждение в чем-то, «...но это “что-то” “извне задано человеку как закон”» [14, с. 750]; по словам Ю. Д. Апресяна, *совесть* - «...некое существо внутри человека. Это - строгий внутренний судья (ср. *отвечать за что-л. перед своей совестью, быть чистым перед собственной совестью*), всегда нацеленный на добро, обладающий врожденным безошибочным чувством высшей справедливости и дающий человеку предписания (ср. *голос совести, веление совести*)...» [1, с. 353]; *совесть* - это *весь* извне, что очевидно из внутренней формы существительного *совесть*, которую можно интерпретировать, с учетом значения совместности у префикса *со-*, как «совместноведение», «совместнознание», как результат синергического взаимодействия Божьего и человеческого начал.

Статья 1 официального «Кодекса судейской этики» гласит: «В своей профессиональной деятельности и вне службы судья обязан соблюдать Конституцию Российской Федерации, руководствоваться Законом Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” и другими нормативно-правовыми актами, правилами поведения, установленными настоящим Кодексом, общепринятыми нормами *морали*...» [7]. Однако в русском речевом обиходе общеизвестной является иная, неофициальная формулировка той же основной обязанности судьи - «судить по закону и *внутреннему убеждению*» (то есть не по *морали* как производной от установленных людьми «обычаев», разумность и целесообразность которых могут требовать обоснования, а по *совести* как отзвуку Божьей истины в человеческом сердце, - истины, в отношении которой вопрос о ее существовании, о ее «правильности», обоснованности не ставится (см. часть VI «Истина и правда» в: [2, с. 543-642])). Из этого различия следуют по крайней мере три «фигуры конфликта»: между моралью (социальной, групповой, корпоративной) и нравственностью (= *совестью*), между законом и моралью, законом и совестью.

На примере («абстрактного») российского судьи очевидно, что в случае социально обусловленной необходимости корпоративная *мораль* может в его глазах оказаться выше юридического Закона, хотя Совесть (= Нравственность) в любом случае выше и Закона, и Морали. По всей вероятности, именно корпоративная *мораль* (как социально обусловленные «нормы поведения людей по отношению друг к другу и к обществу»), допускающая злоупотребления, при недостатке *совести* оказывается важнейшей причиной коррупции в правоохранительных органах.

Специально подчеркнем, что, хотя эта оценка интуитивно очевидна без каких бы то ни было специальных исследований, в данном случае она получена в результате лингвоконцептологического анализа. Если эта оценка верна, то лингвокультурологии необходимо в сотрудничестве с другими гуманитарными науками исследовать концепт «Совесть» в его взаимосвязи с составляющими внутрикорпоративного правоохранительного концепта «Мораль» (с реальными, а не декларативно-желательными) и с макроконцептом «Право/Закон», на полученной основе дать прикладные рекомендации. Постановка этой задачи может выглядеть комично (в свете, например, такой начальной формулировки искомым рекомендацией: «Пробудить совесть можно следующим образом...»), но, тем не менее, задача абсолютно серьезная и ответственная.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта, 2007. 592 с.
4. Вежбицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
5. Волков В. В., Кушнир О. Н. Лингвоконцептология и лингвоконцептография: аспекты взаимодействия // Стратегия исследования языковых единиц: материалы тверской международной научно-практической конференции, 22-23 мая 2009 г. Тверь: Изд-во ТГУ, 2009. С. 3-9.
6. Издания Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusexpert.ru/?idp=1>
7. Кодекс судейской этики [Электронный ресурс]: утвержден VI Всероссийским съездом судей 2 декабря 2004 года // Кадис: правовой портал. URL: <http://www.kadis.ru/texts/index.phtml?id=6816&PrintVersion=1>
8. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 248 с.
9. Кушнир О. Н. Иерархически-полевая природа концептосферы: концепты и макроконцепты // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сборник статей участников V международной научной конференции (26-27 апреля 2010 года). Челябинск, 2010. С. 79-82.
10. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ-классик, 2008. 1534 с.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998. 942 с.
12. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп./ под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. М.: Медея, 2004. 328 с.
13. Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. Изд-е 4-е. М.: Политиздат, 1981. 430 с.
14. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
15. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. Изд-е 6-е. М.: Изд. М. Ю. Тихомирова, 2008.
16. Труды ученых Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов [Электронный ресурс]. URL: <http://siberia-expert.com/>

MACRO-CONCEPTS "LAW" AND "MORALITY": "CONFLICT FIGURES" IN INTERACTION FIELD

Ol'ga Nikolaevna Kushnir, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Documentation and Archival Studies and Applied Linguistics
Komi Republic Academy of Public Service and Management
info17275@mail.ru

The author presents the analysis of the macro-concepts which make up the little researched phenomena of the concept sphere "Law" in their interconnection with other spheres of human life and pays special attention to the "interaction field" of the juridical and ethical spheres within the limits of the macro-concept "Law".

Key words and phrases: juridical lingo-conceptology; macro-concept; law; morality.

УДК 81'255.2:82.1

Статус и цели буквальных и вольных переводов в культуре языка перевода различны из-за полярной векторной ориентации на форму/содержание и одну из культур. В статье анализируются различные точки зрения на их соотношение. При этом вольный и буквальный перевод являются не взаимоисключающими дихотомиями, а диалектическими антиномиями. Кроме того, вольный перевод, как и буквализм, абсолютизирует один из аспектов оригинала (прагматический компонент), и его можно рассматривать как прагматический вид буквализма.

Ключевые слова и фразы: поэтический перевод; вольный перевод; буквальный перевод; формализм; сенсуализм; стратегия и метод перевода.

Ксения Ивановна Леонтьева

Кафедра английского языка и перевода
Смоленский гуманитарный университет
ksenja_leontieva@mail.ru

**ВОЛЬНОСТЬ И БУКВАЛИЗМ ПРИ ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ:
ДИХОТОМИЯ ИЛИ АНТИНОМИЯ?®**

Поэтический текст - это сложная семантически и информационно сверхконцентрированная структура, состоящая из двух взаимодействующих и взаимосвязанных субстанций (форма и содержание). Передать весь информативный комплекс ввиду такой усложненности при переводе практически невозможно. Приоритет отдается тем или иным элементам структуры на основе осознанного выбора формально-функциональных и семантико-концептуальных доминант смысла и языковой линейной манифестации. На базе этой истолковательной ставки переводчика определяется стратегия и метод перевода, которые в зависимости от формального или смыслового вектора развития подлинника колеблются между максимумами «формалистического буквализма» и «вольного сенсуализма» (термины П. М. Топера) [12, с. 213-214].

Два этих пограничных метода - это не только различные техники перевода, но и принципиально различные стратегии интерпретации с точки зрения восприятия соотношения смысла и формы. Вовлеченность переводчика в процесс творческой реконцептуализации действительности, отраженной в оригинале, в новой языковой оболочке, его главенство или второстепенная роль по отношению к переводимому автору варьируется между «самодержавной субъективностью» и «вассальной службой при оригинале» [1, с. 155].

Оппозиция «вольность/буквализм» получила различные трактовки и оценки в теории перевода. Сторонниками буквализма выступали такие известные переводчики как В. Я. Брюсов, М. Л. Лозинский, В. В. Набоков, а приверженцами вольного перевода - например, В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов, Б. Л. Пастернак. Сами понятия «буквальный» и «вольный» в теории также получили различные названия. Но в основном все концепции сводятся к выделению бинарной оппозиции - переводы, ориентированные на форму оригинала и исходную культуру, и переводы, ориентированные на содержание оригинала и на переводящую культуру.

Учет социокультурного фактора в данном случае необходим. «Среда обитания» оригинала и перевода - это две различные культуры, и рассмотрение перевода в отрыве от культуры методологически неверно. Каждая культура включает собственный литературный дискурс с присущими только ему интертекстуальными связями и поэтическими канонами. Буквальные и вольные переводы имеют противоположную векторную ориентацию (на культуру и литературу языка оригинала или языка перевода), встраиваются в разные литературные дискурсы внутри единой принимающей культуры, и их статус в ней будет различен.

По справедливому замечанию Н. М. Нестеровой [10, с. 318-319], вольные переводы, адаптируясь к новым лингвокультурным координатам, часто становятся артефактами этой культуры. Например, баллада «Лесной царь» В. А. Жуковского воспринимается многими читателями, которым неизвестно, что это